

ДИНА РУБИНА

НАШ
КОРОЛЕВСКИЙ
УЖИН

Часть сборника: Крепче веселитесь! (сборник)

Дина Рубина

Наш королевский ужин

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рубина Д. И.

Наш королевский ужин / Д. И. Рубина — «Эксмо», 2017

«Да: свежие морские гребешки, лично привезенные Зайцевым из командировки по Дальнему Востоку (году где-то в 85-м) и зажаренные им же на огромной сковороде, водруженной посреди стола – на всю немалую компанию, – несколько десятилетий оставались для меня сиянием кулинарного олимпа. Дело в том, что Лешка был гением по этой части: забегая вперед, скажу, что в Париже он несколько лет служил поваром у последнего румынского короля...»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д. И., 2017
© Эксмо, 2017

Дина Рубина

Наш королевский ужин

© Рубина Д., 2017

© Fold&Spine, 2017

© Николаева Ю., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Да: свежие морские гребешки, лично привезенные Зайцевым из командировки по Дальнему Востоку (году где-то в 85-м) и зажаренные им же на огромной сковороде, водруженной посреди стола – на всю немалую компанию, – несколько десятилетий оставались для меня сиянием кулинарного олимпа. Дело в том, что Лешка был гением по этой части: забегая вперед, скажу, что в Париже он несколько лет служил поваром у последнего румынского короля.

Понятно, да? Вот так во всем. Он открывал рот, и любой искусный рассказчик, любое «значительное лицо» в компании как-то тускнели и отодвигались на второй план. Потому что своим улыбчивым безмятежным голосом Леша приносил и произносил невероятные вести. Надо сказать, оба они, Леша и Флора Зайцевы, в ранней молодости (в те далекие годы нашей всеобщей молодости) были чрезвычайно ярки и обаятельны. Флора тоже была неслабым впечатлением: красивая, высокая, очень остроумная, со своим мягким херсонским выговором, – замечательная, кстати, рассказчица, – она так вовремя подавала убийственные реплики посреди Лешиного рассказа, так незаметно они менялись местами и такой славной казались парой, что я убеждена: встретиться они не в роковой расхристанной юности, а лет, скажем, двадцать спустя – прожили бы душа в душу оставшиеся годы. Но, видимо, было что-то в обоих несовместимое для жизни; их тогдашней совместной жизни.

Сейчас все это видится в туманном далеке и, несмотря на все, что знаешь, отсюда – из далека – все равно щемяще прекрасно и навеки застыло: Леша, Флора, огромная собака Тяпа, не помню какой породы, которую Леша ухитрился проводить с собой всюду, даже мимо зверюги-вахтера в высотном здании «Молодой гвардии», объясняя тому, что это собака-поводырь для слепого Глебова, главного редактора журнала «Советский школьник».

Кстати, помимо милейшего этого пса, у них еще в книжной полке за стеклом – на уровне пола – жила белая крыска Буся – очаровательное, тишайшее и благодарное существо, которое спустя лет тридцать пять я воскресила в романе «Русская канарейка», и некоторые читатели усомнились в образе: «Что – крыса? Сидит на плече? Ест печенье? Что за цирк!» Леша носил его (это был *он*) в нагрудном кармане пиджака. Приходил, усаживался у нас на кухне, и Буся выглядывал из кармана, мгновенно взбегал на плечо, брал обеими розовыми ручками печенье и принимался суетливо хрумкать, в то время как мы болтали о всяком-разном или Леша читал свои стихи.

Очень часто он бывал вестником чего-то нового, редкого, остро-прекрасного. Так, однажды принес книгу неизвестного нам Бориса Хазанова «Час короля», увлеченно читал вслух целыми кусками, влюбил сразу, щедро оставил книгу «на почитать»... Я и сейчас с удовольствием разыскиваю и покупаю каждую новую книгу Бориса Хазанова, давно уже разрешенного, давно уже переизданного, и каждый раз передо мной возникают Лешины карие глаза, блестящие и выразительные (я бы добавила «неотразимые», если б не боялась так этого эпитета), – каштановая шевелюра, мягкие на вид усы, породистый твердый подбо-

родок и – где-то рядом с ухом – юркий белоснежный Буся с круглой печенькой в крошечных ручках.

А «Советский школьник» был потайной пещерой, вход в которую отворял заветный ключ азбуки Брайля. Сим-сим, откройся! Он открывался всем, кого притаскивал в редакцию Леша Зайцев, – это были первоклассные таланты, абы кого он бы не привел. Спустя все те же лет тридцать пять в передаче на ВОС – радио для слепых – мы с ведущим Олегом Шевкуном вспоминали, что это было: публикации в «Советском школьнике». Олег сказал, что он как раз и был таким вот школьником, с нетерпением ожидающим каждого свежего номера...

...В конце восьмидесятых – начале девяностых произошел ныне уже исторический слом эпох, гигантский тектонический сдвиг; империя дрогнула, накренилась, стала осыпаться... Из-под нее прыснули-покатились в разные страны разные люди. Это был сель, обвал и ужас: и имперский, и персональный. Мы с Борисом и детьми уехали в Израиль, в чем стояли. Это был такой «свистящий безумный мотив посередине жизни». Началась так называемая новая жизнь – меня всегда умиляет это будничное словосочетание. Началось: преодоление, вгрызание, карабканье, обломанные ногти, истерзанные нервы, подъемы и спады, обрушение на четвереньки, и снова подъемы...

Где-то лет через пять я получила от Лешки длинное письмо, в своем роде замечательное: вот там как раз и было про повара последнего румынского короля, про Париж, про «новую жизнь» – увлекательно, ярко, нездешне, завораживающе... Помню, как и где именно я прочитала это письмо: шла с почты (уплатила последние шекели за воду и электричество и мучительно думала, как распределить оставшиеся 50 шекелей, на что из еды их хватит). Шла по солнцепеку, – был невыносимый июль, – и, войдя в пяточок тополиной тени, оставалась, вчитываясь в нереальный Лешкин почерк на линованном листе: в пятнистой тени он казался фиолетовым.

Не помню, что ему ответила на это письмо и ответила ли: собственная жизнь тогда мне казалась трагически конченной, столь далекой от Парижа, от человеческого климата, от культуры, от последнего румынского (и чего это меня так заело?) – короля.

* * *

Прошло еще сколько-то времени – так, чепуха, лет двадцать... и Леша опять меня нашел (как вдумаешься: вот кто был верным другом!). На сей раз никакого почерка: электронная почта принесла коротенькую замечательную весточку, посланную наугад на адрес моего сайта: письмо про то, что жизнь продолжается, что дети... и уже внуки... и что, словом, он рад был бы несколькими фразами от меня. Я тут же откликнулась:

Леша, ужасно рада тебя слышать! Я здесь, в Израиле, со всем семейством. Живем в крошечном городке под Иерусалимом. Кратко: все живы, сын совсем взрослый дядька, дочь выросла, вышла замуж и учится в университете на археолога. Боря пишет картины, я потихоньку кропаю свои книжки. Прошла целая жизнь... Напиши – где ты и что, чем занят, – короче, напиши мне письмище, пожалуйста. И фотку пришли – какой ты сейчас. И перестань писать слово «ты» с большой буквы, я не Иисус.

...Вроде бы не Иисус! – отвечал он, и даже в письме так внятно звучал для меня его мягкий улыбчивый голос. – *Ведь лишь Ему дано судить о Высоте букв, которые мы пишем!:) ...А так, Дин, всё славно. Сидим в крошечном городке на берегу Сены, в Rueil-Malmaison. Помнишь, у Тэффи: «Как жили русские в Париже? А жили они, как собаки на Сене». Справа по реке – остров Импрессионистов, слева – музей Тургенева. Приезжают дети и внуки, друзья и родственники, дети и внуки друзей и родственников... Действительно, целая жизнь*

прошла. В России я не был где-то лет 18, если не ошибаюсь... Профессий сменил уйму: был журналистом, торговал антиквариатом, играл на балалайке, переводил казахских уголовников в трибунале, валил лес, учил студентов церковнославянскому, писал картины и фрески, работал поваром у последнего румынского короля, шеф-поваром в очень древних кабаках и просто поваром в монастыре (одна из моих zdeшних профессий называлась «шеф-повар, преподаватель французской кухни для иностранцев»). Всего сразу и не вспомнишь... Как же здорово, что ты нашлась, Дин! Приветы Боре! «Письмище» сегодня вряд ли получится, но фотографию – нашел. На ней – мы с Линой, детьми (нашими и «дружественными») и внуком Никиткой...

Так возникла – для меня заочно – Лина, и по тону писем, по фотографиям, по каким-то теплым домашним деталям и густоте домашней жизни я поняла, что это, наконец, – настоящее, судьбинное, душевное; что это – Дом и Друг. И уже до конца мы с Лешей не разлучались, – сейчас осознание этого спасает от тоски и горечи, когда думаю о Лешке. Мало того: мы повидались незадолго до его внезапного ухода! – о чем еще расскажу. Но главное: перед этим года два переписывались взахлеб по самым разным темам, в том числе и кулинарным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.